

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/bnwauh>

Смерть И. В. Сталина в восприятии советских граждан (по материалам Кемеровской области)

Морозов Дмитрий Сергеевич

Алтайский государственный технический университет имени И. И. Ползунова, Россия, Барнаул

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 5725-1153

dimamorozo@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению реакции населения Кемеровской области на смерть И. В. Сталина, проявляемой в ходе проведения траурных мероприятий, связанных со смертью вождя, и являвшейся проекцией советского мифа. Цель – определить содержание ключевых вербальных и невербальных форм реакции советских граждан на смерть И. В. Сталина, выявить основные мыслительные конструкции и шаблоны, используемые ими для описания своего психоэмоционального и когнитивного состояния после получения известия о смерти вождя. В результате применения методов контент-анализа и дискурсивного анализа к изучению содержания отчетов и информационных сводок о проведении этих мероприятий в Кемеровской области установлены следующие основные вербальные проявления реакции населения: осознание смерти И. В. Сталина как «общей утраты» и глубоко переживаемого «личного горя»; восприятие образа И. В. Сталина как «отеческой» фигуры, олицетворяющей патерналистское отношение советского государства к гражданам; установление связи образа И. В. Сталина с ключевыми достижениями советской страны; идея о необходимости усиления мобилизационно-производственной и политической активности граждан, сплочения вокруг действующей власти; тезис о бессмертии И. В. Сталина и созданной им системы, олицетворяющей собой достижения советского строя, «вечном значении» его идей и заветов. Невербальные реакции представлены действиями, отражающими усиление мобилизационно-политической и производственной активности населения, направленными на консолидацию вокруг существующих партийно-государственных институтов. В целом восприятие населением смерти вождя может быть сведено к воспроизведению определенных реакций, отражающих основные идеологемы советского мифа.

Ключевые слова: сталинизм, смерть И. В. Сталина, идеология, пропаганда, массовое сознание, общественные настроения, Кемеровская область

Цитирование: Морозов Д. С. Смерть И. В. Сталина в восприятии советских граждан (по материалам Кемеровской области). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 1016–1025. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1016-1025>

Поступила в редакцию 08.10.2024. Принята после рецензирования 05.12.2024. Принята в печать 05.12.2024.

full article

Joseph Stalin's Death as Perceived by Soviet Citizens: Materials from the Kemerovo Region

Dmitry S. Morozov

Polzunov Altai State Technical University, Russia, Barnaul

Altai State University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 5725-1153

dimamorozo@mail.ru

Abstract: The article describes the way the population of the Kemerovo Region responded to the death of Joseph Stalin at mourning events as a projection of the Soviet myth. The author studied verbal and non-verbal reactions to identify the main concepts and patterns used by the local people to describe their psycho-emotional and mental

state after receiving the news of Stalin's death. The content and discourse analyses revealed the following verbal reactions: "shared loss" and "personal grief"; Stalin as a father figure, personifying the paternalistic attitude of the Soviet state towards its citizens; a connection between Stalin and the achievements of the entire country; appeals to citizens to strengthen production and political activity, to support the government; "immortality" of Stalin, his system, and Soviet achievements, and the "eternal significance" of his ideas. The non-verbal reactions included a total mobilization of political and production activities to consolidate people around the party and state institutions. In general, people's response to Stalin's death could be reduced to a reproduction of certain patterns that reflected the main ideologemes of the Soviet myth.

Keywords: Stalinism, death of Joseph Stalin, ideology, propaganda, mass consciousness, public sentiment, Kemerovo Region

Citation: Morozov D. S. Joseph Stalin's Death as Perceived by Soviet Citizens: Materials from the Kemerovo Region. *SibScript*, 2024, 26(6): 1016–1025. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-1016-1025>

Received 8 Oct 2024. Accepted after peer review 5 Dec 2024. Accepted for publication 5 Dec 2024.

Введение

В политической системе, сложившейся в СССР в период правления И. В. Сталина воплощающей в себе основные характерные черты и ключевые особенности тоталитарного политического режима, важную роль играл идеолого-пропагандистский компонент. Основой последнего являлся советский миф, включающий ряд стереотипных идеологических конструкций и клише, призванных обеспечить внедрение в сознание советских граждан представлений о прогрессивном характере социалистической системы и преимуществах социалистического строя перед капиталистическим, сформировать преданность действующей власти, персонифицированной и воплощенной в фигуре И. В. Сталина, во многом архетипичной и совмещающей в себе образы вождя, отца и учителя. Наиболее распространенной формой внедрения советского политического мифа в массовое сознание советских граждан стали централизованно осуществляющиеся идеолого-пропагандистские кампании, реализующиеся вплоть до смерти вождя в марте 1953 г.

Рассмотрение реакции советских граждан на известие о смерти И. В. Сталина представляется весьма важным в контексте изучения как сталинской политической системы в целом, так и отдельных, реализуемых в ее рамках политико-идеологических кампаний, а также особенностей массового сознания советского общества. Анализ восприятия советскими гражданами смерти И. В. Сталина позволит оценить эффективность созданной им политической системы, определить уровень политической лояльности населения страны. Рассмотрение данного аспекта советской социально-политической истории

1950-х гг. может представлять интерес в контексте «транзита власти», происходившего после смерти И. В. Сталина: для его преемников важно было обеспечить массовую легитимацию своей власти, добиться положительного восприятия собственного образа в массовом сознании.

Феномену советского массового сознания и различным его аспектам посвящены работы, в которых рассматриваются основные этапы и механизмы социального конструирования «советского» человека, анализируются основные психоэмоциональные составляющие массового сознания в советском обществе, выявляются способы воздействия властных структур на умонастроение и поведение граждан [Вдовин, Дробижев 1971; Геллер 1994; Гуревич 1964; Кузнецов 1995; 1996; Никифоров 2002; Поршневу 1966; Шаранов 1975].

Различным формам и особенностям проявления политической лояльности либо инакомыслия, исходящим от различных социальных групп советского общества, в своих работах уделяют внимание западные исследователи, в частности, признанный классик западной советологии, последователь «ревизионистской школы» Ш. Фицпатрик, автор книги «Социальная история Советской России в 30-е годы» [Фицпатрик 2001; 2008]; автор монографии «Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941» С. Дэвис [Дэвис 2011]. Из отечественных исследователей, занимающихся данной проблемой, следует упомянуть Е. Ю. Зубкову [Зубкова 1993; 2000].

Из работ, посвященных реконструкции психоэмоциональной реакции советских граждан на смерть И. В. Сталина, следует отметить статью А. И. Лушина,

исследующего указанный процесс в общесоюзном масштабе [Лушин 2022]; работу белорусского исследователя В. Л. Короля, посвященную реакции на события 5 марта 1953 г. жителей БССР [Король 2021]. Общественные настроения в Москве и Ленинграде, связанные со смертью И. В. Сталина, в начале марта 1953 г. анализирует Ю. З. Кантор [Кантор 2024]. Отклики населения Мордовии на смерть вождя рассматривают Т. М. Гусева и Т. Ю. Задкова [Гусева, Задкова 2023]. На материалах источников личного происхождения – дневников советской молодежи – рассматривает реакцию на смерть И. В. Сталина А. Н. Кабацков [Кабацков 2023]. Из работ зарубежных авторов на эту тему следует отметить исследование Джошуа Рубинштейна «Последние дни Сталина». Помимо анализа ситуации в СССР и в мире на протяжении нескольких месяцев до и после смерти И. В. Сталина, автор уделяет отдельное внимание рассмотрению реакции на смерть вождя различных слоев населения СССР – от «властителей дум», творческой и научно-технической интеллигенции до простых советских граждан [Рубинштейн 2024].

Единственной специальной работой, посвященной анализу восприятия советскими гражданами смерти И. В. Сталина, написанной на материалах сибирских регионов, является статья О. В. Филиппенко, в которой рассматривается протестная реакция на смерть советского вождя спецпоселенцев Томской области [Филиппенко 2021]. Отдельные сведения о реакции на смерть И. В. Сталина жителей Кузбасса можно обнаружить в работах [Генина, Колязимова 2014; Колязимова 2014]. В контексте изучения более широкой проблемы трансформации массового политического сознания и общественных настроений рассматривает отдельные проявления реакции жителей Сибири на смерть вождя М. С. Петренко [Петренко 1996: 53–58; 2014].

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе изучения материалов, характеризующих восприятие смерти И. В. Сталина населением Кемеровской области, определить содержание ключевых вербальных и невербальных форм реакции советских граждан на смерть И. В. Сталина, выявить основные мыслительные конструкции и шаблоны, используемые ими для описания своего психоэмоционального и когнитивного состояния после получения известия о смерти вождя. Новизна исследования состоит в использовании для достижения поставленной цели методов контент-анализа и дискурс-анализа, позволивших осуществить переход

от нарративно-описательной модели представления ключевых реакций населения на смерть И. В. Сталина к углубленному (в том числе и количественному) анализу внутренних составляющих подобного рода реакций и общественных настроений.

Методы и материалы

Основным источником для написания статьи послужили отложившиеся в фонде П-75 (Кемеровский обком КПСС) Государственного архива Кузбасса (ГАК) отчеты и информационные сводки местных горкомов и райкомов КПСС о проведении траурных митингов и собраний в городах и районах области, направляемые в Кемеровский обком на имя его секретаря М. И. Гусева, а также аналогичные материалы, посылаемые из обкома в ЦК КПСС на имя заместителя заведующего отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов Е. И. Громова. При этом следует иметь в виду, что приведенные в этих источниках высказывания граждан интерпретировались советскими чиновниками с точки зрения официального советского идеологического дискурса, а конечной целью официальных лиц являлось создание картины полной политической лояльности советских граждан. Информационные сводки, направляемые в вышестоящие инстанции, были тщательно отредактированы, и указания на нестандартные реакции населения в них сведены к минимуму [Коновалов 2005: 158–159].

Исследование основано на фундаментальных принципах историзма и системности. Основными используемыми в исследовании методами являются контент-анализ и дискурсивный анализ. Контент-анализ позволяет выявить наиболее часто встречающиеся в выступлениях советских граждан на траурных мероприятиях лексические единицы, выражающие особенности их психоэмоциональных переживаний, связанных со смертью вождя. Установление соотношения между высказываниями, содержащими в себе наиболее распространенные лексемы, речевые обороты и характеристики, касающиеся фигуры И. В. Сталина и раскрывающие отношение населения к переживаемой ими утрате, и общим числом траурных высказываний позволяет определить наиболее характерные черты образа советского вождя, воспроизводимые в массовом сознании. Дискурсивный анализ направлен на выявление социально-психологических характеристик советских граждан, позволяющих понять, как используемый ими язык определяет их идентичность и восприятие окружающей действительности через существующие в советском обществе

идеологические нарративы. В контексте исследования использование данного метода показывает, как личное восприятие гражданами смерти И. В. Сталина отражало господствующие в советском обществе политико-пропагандистские нарративы и идеологемы, как они отражались в публичном поведении населения.

Ввиду отсутствия источников, к которым можно было бы применить контент-анализ для изучения нестандартных (расходящихся с официальным дискурсом) реакций населения Кемеровской области на смерть И. В. Сталина, последние остаются за рамками данного исследования. Вместе с тем реакции населения на смерть И. В. Сталина, укладывающиеся по своему содержанию в официальную линию, заслуживают специального исследования, поскольку отражают политическое мировоззрение и поведение абсолютного большинства советских граждан, являясь проекцией официальной советской идеологии и мифологии, формирующей массовое сознание в сталинскую эпоху. Изучение именно этого типа реакций позволяет наиболее глубоко и системно раскрыть характерные черты общественного сознания в послевоенном СССР.

Результаты

Высказывания советских граждан, посвященные смерти И. В. Сталина, укладывающиеся в официальную линию, по своему содержанию и политическому смыслу являются выражением представлений и эмоций подавляющего большинства советского общества – людей, полностью «включенных» в существующий советский миф и разделяющих его базовые составляющие, формирующие их личную, национально-гражданскую и политическую идентичность.

Как правило, это люди, достигшие при И. В. Сталине и благодаря ему и созданной им системе определенных карьерных, профессиональных высот и привилегий. Помимо региональной и местной партийно-политической элиты это могли быть представители так называемых лучших людей – председатели успешных колхозов, директора предприятий, передовики производства, ударники, стахановцы – люди, включенные официальной пропагандой в пантеон «героев», олицетворяющих собой достижения и успехи советского строя. Кроме того, в число адептов советского политического мифа могут быть включены и рядовые советские граждане – представители рабочего класса, части крестьянства, служащие и пр. Это были люди, для которых свершившаяся в 1930-е гг. сталинская «революция сверху» означала беспрецедентное расширение

их социальных и политических прав и возможностей, а победа в Великой Отечественной войне подтвердила силу и мощь советского строя.

К основным составляющим советского мифа, определяющего сознание основной массы населения, могут быть отнесены:

- 1) персонифицированное восприятие власти с точки зрения советского патернализма (*И. В. Сталин – наш любимый отец, учитель и вождь*);
- 2) убеждение в преимуществе построенного усилиями этой власти социалистического строя над капиталистическим, нового советского образа жизни – над прежним, дореволюционным (*Только И. В. Сталин освободил нас от капиталистической эксплуатации*);
- 3) осознание необходимости внесения личного вклада в укрепление данного строя, противостояние внутренним и внешним врагам, усиление политической бдительности и движение к светлому будущему, общей великой цели (*Клянусь еще больше сплотиться вокруг партии, повысить свои социалистические обязательства и коммунистическую бдительность, шире развернуть критику и самокритику, нетерпимость к врагам нашей Родины*);
- 4) повышенное внимание к формальным свидетельствам принадлежности к существующим государственным, партийным институтам и объединениям (быть членом КПСС, ВЛКСМ, профсоюза, осуществлять тот или иной вид партийно-политической, массовой работы, иначе говоря – быть социальным активистом в строго определенных партий и государством формах) [Кимерлинг 2017: 123–136].

Следствием такого рода восприятия окружающей действительности была ярко выраженная реакция на смерть вождя, демонстрирующая восприятие его кончины как, с одной стороны, глубокого личного горя, с другой – как «общей утраты» и «коллективной печали». Советские граждане предпринимали попытки дать рациональное объяснение внезапной для большинства населения смерти вождя. Неожиданность утраты «ломала» привычную для советского человека картину мира, и, подсознательно стремясь воспроизвести ее, население связывало смерть вождя с контекстом разворачивающихся ранее политических событий и процессов – антиеврейской политикой и «делом врачей», конфронтацией с западным миром. Данное обстоятельство привело к тому, что «смерть Сталина породила волну всевозможных

домыслов, слухов, предположений. Говорили, что Сталина отравили, что к этому имеет отношение его любовница, которая якобы была еврейка, но, пожалуй, наиболее распространенной была тема войны. Многие думали, что сохранение мира достигалось исключительно благодаря авторитету Сталина, и что теперь после его смерти, США ни перед чем не остановятся» [Петренко 2014: 16–17]. Ю. В. Аксютин указывает на то, что в связи с кончиной И. В. Сталина партийно-государственные инстанции «были завалены резолюциями партийных организаций и трудовых коллективов, а также письмами граждан с предложениями, как лучше увековечить память почившего», отмечая, что «подобные предложения отражали преобладавшие тогда настроения простых людей» [Аксютин 2010: 24].

Проанализировано содержание 110 высказываний жителей Кемеровской области, прозвучавших на траурных митингах и собраниях и получивших отражение в информационных сообщениях о траурных мероприятиях, прошедших в области в связи со смертью И. В. Сталина¹. В результате были установлены наиболее часто встречающиеся в высказываниях граждан лексические единицы и выявлены основные стереотипные мыслительно-вербальные конструкции, постулируемые гражданами Кемеровской области, что позволило выявить отношение населения данной территории к факту смерти И. В. Сталина, охарактеризовать восприятие образа советского вождя и созданной им системы в массовом сознании граждан.

1. Выступавшие на траурных мероприятиях граждане восприняли смерть руководителя СССР **как горестное, трагическое событие**, повергнувшее их в состояние шока, ставшее для них неожиданно и по своему характеру и значению имеющее важные последствия для будущего развития страны. В связи с этим характерной эмоциональной реакцией граждан на известие о смерти вождя стал плач. В данном случае мы подразумеваем под ним психофизическую реакцию на сильное эмоциональное переживание, не вкладывая в это понятие смыслового наполнения, характерного для рассмотрения плача как традиционного жанра русского фольклора, связанного с похоронными обрядами. И хотя существуют специальные исследования, посвященные феномену «советского плача» (анализируются, в частности,

«плачи по Ленину» как пример смешения элементов традиционного русского фольклора и советской идеологии [Иванова 2006; Петрович 2012]), в используемых нами источниках речь идет именно о психофизической реакции.

В проанализированных нами источниках использование гражданами по отношению к смерти И. В. Сталина таких определений своих ощущений, как *горе, трагедия, боль, великая утрата, скорбная весть*, а также непосредственные и опосредованные упоминания о *плаче, слезах и рыданиях* граждан на траурных собраниях и митингах встречаются 101 раз (91,8 % от общего числа анализируемых высказываний).

Примером наиболее ярких траурных выступлений, свидетельствующих о глубине переживания утраты, может служить высказывание колхозника Гурьевского района Ф. М.: «Тяжела утрата для партии и советского народа. Нет слов выразить ту боль, то горе, которое постигло нас»². Фиксируются в высказываниях и случаи плача: «Я видел... как плакали седоволосые старики и малые дети, плакали видевшие многое на своем веку старые коммунисты, плакали, не скрывая своих слез и не стыдясь их»³.

Приведенные примеры могут свидетельствовать о подданническом типе политической культуры населения, а также об одновременном наличии прочных вертикальных связей между государством (в его персонафицированном проявлении) и гражданами, с одной стороны, и социальной атомизации общества, проявляющейся в разрушении горизонтальных социальных связей, вытеснении индивидуальных и групповых интересов государственными, что порождает формирование у граждан государственно-патерналистской психологии, – с другой.

2. Наиболее часто встречающийся мыслительный штамп, характеризующий отношение людей к личности вождя, иллюстрирует восприятие жителями Кемеровской области смерти И. В. Сталина **как утраты близкого, родного человека, отца**. Наиболее часто употребляются в отношении И. В. Сталина характеристики *близкий, родной, дорогой, любимый, отец, друг* и пр. Данного рода лексемы встречаются в 74 высказываниях из 110 (67,2 % от общего числа анализируемых высказываний).

Фигура И. В. Сталина являлась формальным олицетворением государства и власти и служила образцом,

¹ Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. П-75. Оп. 7. Д. 199. Во всех высказываниях сохранены авторские орфография и пунктуация.

² Там же. Л. 54.

³ Там же. Л. 25–26.

примером и идеалом для подражания, иллюстрацией лучших качеств «простого советского человека». Характерным примером таких высказываний может служить выступление слесаря цеха № 5 азотно-тукового завода г. Кемерово Г.: «Трудно свыкнуться с мыслью, что больше нет в живых нашего дорогого отца, учителя и друга Иосифа Виссарионовича Сталина»⁴.

3. Многими выступающими на траурных мероприятиях отмечались **достижения страны**, напрямую связывающиеся с именем советского вождя. Имя И. В. Сталина прочно ассоциировалось со строительством нового, «светлого коммунистического будущего». Шахтер г. Осинники Ч. заявлял: «С именем товарища Сталина связаны всемирно-исторические победы советских людей. Товарищ Сталин привел наш народ к победе социализма и начертал ясную программу строительства коммунизма»⁵. И. В. Сталин воспринимался и как главный архитектор и творец Победы в Великой Отечественной войне: «Исключительная роль товарища Сталина в годы величайших испытаний советского народа в Великой Отечественной войне, против гитлеровских захватчиков»⁶.

Частыми были сравнения гражданами пожилого возраста дореволюционного и советского опыта их повседневной жизни. Так, 66-летняя жительница Анжеро-Судженска М. Т. отмечала в своем выступлении: «Я прожила 66 лет, испытала жизнь при царизме, пережила страшные опустошительные войны, которые вели капиталисты и фашисты против нашей страны, и лучшей жизни, как при советской власти, еще никогда не было. Когда я услышала, что умер товарищ Сталин, мне стало на сердце тяжело, ведь он о нас всегда заботился»⁷.

В целом упоминание достижений страны во время правления И. В. Сталина встречается в 42 высказываниях из 110 (38,1 % от общего числа высказываний). В 22 (52,3 %) из них в качестве основной его заслуги перед народом упоминается продолжение дела И. В. Ленина, построение в СССР социализма и начертание программы строительства коммунизма; 6 (14,2 %) высказываний в качестве главных достижений называют осуществление под руководством И. В. Сталина процессов коллективизации и индустриализации, превращение СССР в аграрно-индустриальную

державу, укрепление колхозного строя, интенсификацию сельского хозяйства и поднятие уровня жизни на селе, увеличение материального благосостояния граждан; в 6 (14,2 %) высказываниях в качестве основных достижений правления И. В. Сталина упоминаются создание условий для свободного развития науки и образования, реализация права на образование и труд, предоставление населению основных социальных гарантий; 5 (11,9 %) высказываний посвящены роли И. В. Сталина в обеспечении победы в Великой Отечественной войне; в 3 (7,14 %) высказываниях внимание акцентируется на достижении гендерного равенства, «освобождении» женщин и наделении их равными правами с мужчинами.

Приведенные выше результаты анализа содержания выступлений граждан свидетельствуют о высоком уровне персонифицированного восприятия советскими гражданами власти и проводимой ею политики, а также наглядно иллюстрируют такую составляющую советского мифа, как тезис о превосходстве социалистической системы над капиталистической.

4. Еще одной характерной вербальной реакцией на смерть вождя являлись высказывания, свидетельствующие о **необходимости усиления мобилизационно-производственной и политической активности граждан**. Почти в каждом анализируемом нами высказывании присутствуют клятвы и призывы к повышению бдительности, сплочению вокруг действующей власти, взятию на себя новых производственных обязательств. Навалоотбойщик шахты «Физкультурник» (г. Анжеро-Судженск) Б., например, заявил: «Наша страна понесла большую утрату, смерть дорогого и любимого друга народа Иосифа Виссарионовича Сталина. Товарищи! Мы должны сохранить твердость духа, проявлять бдительность, сплотиться еще теснее вокруг нашего Центрального Комитета Коммунистической партии. Мы, шахтеры, должны умножить свои силы на выполнение и перевыполнение плана по добыче угля. Наша бригада... берет обязательства дать сверх плана 300 тонн угля. Призываю остальных товарищей включиться в социалистическое соревнование»⁸.

5. Отдельный нарратив в публичных выступлениях на траурных собраниях и митингах был посвящен

⁴ Там же. Л. 73.

⁵ Там же. Л. 66.

⁶ Там же. Л. 74.

⁷ Там же. Л. 39.

⁸ Там же. Л. 30.

бессмертию И. В. Сталина «в сердцах советского народа». Говорилось о «вечном значении» его идей и заветов. Подобного рода утверждения содержатся в 26 высказываниях из 110 (23,6 %).

В качестве возможных причин смерти вождя гражданами, как правило, указывались напряженный график работы И. В. Сталина, не соответствующий его возрасту и подорвавший здоровье, а также происки не столь давно «разоблаченных» «врачей-вредителей». Жители Гурьевского района отмечали: «Здоровье у товарища Сталина наверное было слабое, а работал много, вот и получилось такое большое горе», «Хотя бы так сделали, чтобы И. В. Сталин не работал, а так бы иногда пришел в ЦК, справился, как идут дела, и все», «Наверное, это бандиты-вредители – врачи устанавливали режим товарищу Сталину неправильный»⁹.

К невербальным (поведенческим) реакциям, свидетельствующим о практической реализации зафиксированных в высказываниях обещаний граждан и наглядно демонстрирующим позитивное отношение общества к ушедшему из жизни руководителю государства и его политическому курсу, следует отнести, во-первых, массовое присутствие на траурных митингах и собраниях, стихийный характер кооперации людей. Согласно информационному сообщению о проведении траурных дней в Кемеровской области, направленному заместителю заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е. И. Громову от имени секретаря Кемеровского обкома КПСС В. Шаповалова, в день получения местными партийными органами обращения ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР к коммунистам и трудящимся о смерти И. В. Сталина «на всех предприятиях, в колхозах, учреждениях и учебных заведениях состоялись многоярусные траурные митинги, на которых присутствовало более 900 тыс. человек... выступило 24 720 чел.»; после «погребения тела великого Сталина вновь состоялись траурные митинги трудящихся области» в количестве «4006 митингов, на которых присутствовало ок. 800 тыс. человек, выступило – 23 713 чел.»¹⁰.

Во-вторых, свидетельством практического выражения верности, лояльности и сплочения населения

вокруг существующих общественно-политических институтов следует считать поступление многочисленных заявлений от советских граждан о приеме в компартию после получения известий о смерти И. В. Сталина. В информации о проведении траурных митингов в связи со смертью и похоронами И. В. Сталина на предприятиях и учреждениях г. Кемерово от 12 марта 1953 г. за подписью секретаря Кемеровского горкома З. Кузьминой отмечается, что «во многие партийные организации города поступают заявления трудящихся о приеме их в партию». Граждане просят местные парторганизации «принять их в партию» и «обещают с честью оправдать доверие партии». Возросло и число желающих вступить в комсомол. В информации отмечается, что только в комсомольские организации Рудничного района «поступило 550 заявлений от несоюзной молодежи о приеме в члены ВЛКСМ»¹¹.

В-третьих, к распространенным поведенческим реакциям советских граждан на смерть И. В. Сталина следует отнести активность, связанную с выполнением принимаемых на себя повышенных производственных обязательств. Так, в отчете о проведении траурных митингов в Анжеро-Судженске в связи с обещанием усилить производственную активность, высказанным работником шахты «Физкультурник» Б-ковым в его выступлении на митинге, отмечалось, что «свои обязательства тов. Б-ков выполняет с честью – участок дал сверх плана 1199 тонн угля, в том числе с 6-го по 9-е марта дали 534 тонны»¹².

Итак, общее настроение населения Кемеровской области было выдержано в траурном ключе. Вместе с тем жители выразили готовность «еще теснее сплотиться вокруг партии», «усилить бдительность», а также связывали надежды на «светлое будущее» с КПСС, обязанной, согласно представлениям граждан, и после смерти И. В. Сталина разрабатывать и реализовывать актуальный политический курс по «сталинским заветам». Все эти мысли, чувства и эмоциональные реакции в полной мере соответствовали господствовавшим официальным идеологемам и выражали определенную стереотипность, шаблонность и пассивность (в смысле отсутствия рассмотрения альтернативных политических сценариев) восприятия «текущего момента».

⁹ Там же. Л. 52.

¹⁰ Там же. Л. 25, 27.

¹¹ Там же. Л. 80.

¹² Там же. Л. 30.

Заключение

Содержание вербальных проявлений реакции населения Кемеровской области на смерть И. В. Сталина включает: 1) осознание смерти И. В. Сталина не только как «общей утраты», но и глубоко переживаемого «личного горя»; 2) восприятие образа И. В. Сталина как «отеческой» фигуры, олицетворяющей патерналистское отношение советского государства к гражданам и служащей не только формальным олицетворением государства и власти как таковой, но и образцом, примером и идеалом для подражания; 3) установление связи образа И. В. Сталина с ключевыми достижениями советской страны во внутренней и внешней политике; 4) идею о необходимости усиления мобилизационно-производственной и политической активности граждан, сплочения вокруг действующей власти; 5) тезис о бессмертии И. В. Сталина и созданной им системы, олицетворяющей собой достижения советского строя, «вечном значении» его идей и заветов.

Невербальные реакции включали в себя действия, отражающие усиление мобилизационно-политической и производственной активности населения, направленной на консолидацию вокруг существующих партийно-государственных институтов: массовое участие в траурных мероприятиях, связанных со смертью

И. В. Сталина, приток новых членов в ряды компартии и комсомола, активность в выполнении повышенных производственных обязательств.

В целом восприятие населением смерти вождя может быть сведено к воспроизведению гражданами определенных реакций, отражающих основные идеологемы «советского мифа»: при получении известий о смерти И. В. Сталина население продемонстрировало патерналистско-персонифицированное восприятие верховной власти (в соответствии с ним государственная власть в глазах советских граждан преимущественно отождествлялась с отдельной личностью, воплощающей в себе архетипы отца и народного заступника, а не с общественно-политическими институтами), сопровождающееся глубоким личным переживанием общего горя.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2010. 621 с. [Aksyutin Yu. V. *Khrushchev's Thaw and public sentiment in the USSR in 1953–1964*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN, 2010, 621. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qppoat>
- Вдовин А. И., Дробизhev В. З. Социальная психология и некоторые вопросы истории советского общества. *История СССР*. 1971. № 5. С. 23–42. [Vdovin A. I., Drobizhev V. Z. Social Psychology and Some Issues in the History of Soviet Society. *Istoriia SSSR*, 1971, (5): 23–42. (In Russ.)]
- Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 335 с. [Geller M. *Cogs in the wheel: The formation of Soviet man*. Moscow: MIK, 1994, 335. (In Russ.)]
- Генина Е. С., Колязимова М. М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг., связанные с образом И. В. Сталина (по материалам Кемеровской области). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 3-2. С. 145–150. [Genina E. S., Kolyazimova M. M. Ideological campaigns in the USSR in 1946–1953 connected with the image of J. V. Stalin (revealed by the example of Kemerovo region). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-2): 145–150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tcewfr>
- Гуревич А. Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории. *Вопросы истории*. 1964. № 10. С. 54–59. [Gurevich A. Ya. Some aspects of social history. *Voprosy Istorii*, 1964, (10): 54–59. (In Russ.)]
- Гусева Т. М., Задкова Т. Ю. «Прощай, наш учитель и вождь, наш дорогой друг, родной товарищ Сталин!» Отклики населения Мордовии на смерть И. В. Сталина (по материалам районных газет). *Центр и периферия*. 2023. Т. 18. № 1. С. 52–60. [Guseva T. M., Zadkova T. Yu. "Farewell, our teacher and leader, our dear friend, dear comrade Stalin!" Responses of the population of Mordovia to the death of I. V. Stalin (according to the materials of regional newspapers). *Center and Periphery*, 2023, 18(1): 52–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/axzmtg>

- Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М.: РОССПЭН, 2011. 229 с. [Davies S. *Popular opinion in Stalin's Russia. Terror, propaganda and dissent, 1934–1941*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 229. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpuiff>
- Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М.: Россия молодая, 1993. 200 с. [Zubkova E. Yu. *Society and reforms. 1945–1964*. Moscow: Rossiia molodaia, 1993, 200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyikuh>
- Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с. [Zubkova E. Yu. *Postwar Soviet society: Politics and everyday life. 1945–1953*. Moscow: ROSSPEN, 2000, 229. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pхrcjр>
- Иванова Т. Г. Плачи о Ленине в свете фольклорной традиции и советской идеологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2006. № 1. С. 100–106. [Ivanova T. G. Lamentations for Lenin in the light of folklore tradition and Soviet ideology. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya*, 2006, (1): 100–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rttcon>
- Кабацков А. Н. «Как понять, как смириться с тем, что нет Сталина!»: смерть Сталина в дневниках советских молодых людей. 1953-й. *Подведение итогов и выбор пути*: XV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г.) М.: РОССПЭН, 2023. С. 516–528. [Kabatskov A. N. "How can you comprehend and come to terms with the fact that Stalin is gone?": Stalin's death in the diaries of Soviet young people. 1953. *Summing up and choosing a path*: Proc. XV Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, 21–24 Jun 2023. Moscow: ROSSPEN, 2023, 516–528. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gkqevn>
- Кантор Ю. З. «Теперь можно быть спокойным за дело Сталина». Общественные настроения в Москве и Ленинграде в начале марта 1953 г. (по рассекреченным документам ЦА ФСБ РФ и УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области). *Большая перемена: трансформация общественного сознания в 1953–1985 гг.*: VIII Всерос. науч. конф. (Пермь, 19–21 октября 2023 г.) Пермь: ПГГПУ, 2024. С. 16–24. [Kantor Yu. Z. "Now you can be calm for Stalin's cause": Public mood in Moscow and Leningrad at the beginning of March 1953 (according to declassified documents of the Federal Security Service of the Russian Federation and the Department of the FSB of Russia for St. Petersburg and the Leningrad region). *Big change: Transformation of public consciousness in 1953–1985*: Proc. VIII All-Russian Sci. Conf., Perm, 19–21 Oct 2023. Perm: PSHPU, 2024, 16–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/awkflx>
- Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: ВШЭ, 2017. 211 с. [Kimerling A. S. *Do what you are told but be cunning: Political campaigns of the late Stalin era*. Moscow: HSE, 2017, 211. (In Russ.)]
- Колязимова М. М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг.: по материалам Кемеровской области. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 123 с. [Kolyazimova M. M. *Ideological campaigns in the USSR 1946–1953: Based on materials from the Kemerovo Region*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014, 123. (In Russ.)]
- Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово: СКИФ, 2005. 311 с. [Konovalov A. B. *Party nomenclature in Kuzbass during post-war Stalinism and the Thaw (1945–1964)*. Kemerovo: SKIF, 2005, 311. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvludd>
- Король В. Л. Смерть Сталина и реакция жителей Советской Беларуси. *Белорусский исторический обзор*. 2021. № 1. С. 183–198. [Korol V. L. Stalin's death and the response of Soviet Belarus citizens. *Belorusskii istoricheskii obzor*, 2021, (1): 183–198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/agdpcy>
- Кузнецов И. С. Советский тоталитаризм: очерк психоистории. Новосибирск: НГУ, 1995. 156 с. [Kuznetsov I. S. *Soviet totalitarianism: An essay on psychohistory*. Novosibirsk: NSU, 1995, 156. (In Russ.)]
- Кузнецов И. С. Формирование «образа врага» и социально-психологические предпосылки тоталитаризма (по материалам сибирской деревни 20-х гг.). *Вопросы истории Сибири XX века*, ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: НГУ, 1996. С. 52–63. [Kuznetsov I. S. Forming the image of the enemy and socio-psychological prerequisites for totalitarianism: Materials from a Siberian village 1920s. *History of Siberia in the XX century*, ed. Shilovskiy M. V. Novosibirsk: NSU, 1996, 52–63. (In Russ.)]

- Лушин А. И. К вопросу об откликах советского общества на смерть И. В. Сталина. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2022. № 3. С. 146–154. [Lushin A. I. To the question of the responses of Soviet society to the death of I. V. Stalin. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, 2022, (3): 146–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfauek>
- Никифоров А. Л. Феномен вождя в официальной пропаганде и обыденном сознании в 1945–1956 годах: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 255 с. [Nikiforov A. L. *The phenomenon of a leader in official propaganda and everyday consciousness in 1945–1956*. Cand. Hist. Sci. Diss. St. Petersburg, 2002, 255. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qdscov>
- Петренко М. С. Общественные настроения в Западной Сибири в 50-е годы: социально-психологический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996. 264 с. [Petrenko M. S. *Public sentiment in Western Siberia in the 1950s: Socio-psychological aspect*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 1996, 264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/magaeh>
- Петренко М. С. Политическое сознание в России в 1950-е гг.: начало идейно-психологического кризиса (на материалах Западной Сибири). *Известия Томского политехнического университета*. 2014. Т. 324. № 6. С. 14–25. [Petrenko M. S. Political consciousness in Russia in 1950s: Beginning of ideological and psychological crisis (materials of Western Siberia). *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, 2014, 324(6): 14–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sientr>
- Петрович М. «Крепко спит да не пробудится...»: плачи как форма ритуального подтверждения смерти Ленина. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2012. № 2. С. 299–310. [Petrovich M. "He sleeps the sleep that knows no breaking...": Lamentations as a form of ritual confirmation of Lenin's death. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2012, (2): 299–310. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pabztt>
- Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. 213 с. [Porshnev B. F. *Social psychology and history*. Moscow: Nauka, 1966, 213. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgtbdh>
- Рубинштейн Д. Последние дни Сталина. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 309 с. [Rubenstein J. *The last days of Stalin*. Moscow: Alpiba non-fikshn, 2024, 309. (In Russ.)]
- Филиппенко О. В. «Люди плачут, а меня смех берет»: протестная реакция спецпоселенцев Томской области на смерть И. В. Сталина. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 4. С. 920–928. [Filippenko O. V. People are crying, but I can't stop laughing": Protest reaction of the deportees of Tomsk region to Joseph Stalin's death. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 920–928. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-920-928>
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 332 с. [Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s: The city*. Moscow: ROSSPEN, 2001, 332. (In Russ.)]
- Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008. 421 с. [Fitzpatrick S. *Stalin's peasants. Resistance and survival in the Russian village after collectivization*. Moscow: ROSSPEN, 2008, 421. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpiyxn>
- Шаранов В. В. Психология класса (проблема методологии изучения). Л.: Ленингр. ун-т, 1975. 143 с. [Sharanov V. V. *Class psychology: Research methodology*. Leningrad: Leningrad University, 1975, 143. (In Russ.)]